

ОЛЕГ БУДНИЦКИЙ

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В КРАСНОЙ АРМИИ (1941-1945)¹

За последние 20 лет в странах, образовавшихся на месте СССР, произошла не только «архивная революция». Произошла «революция памяти». В особенности это касается истории Второй мировой войны или, как ее по-прежнему принято называть в постсоветских государствах, Великой Отечественной войны. Опубликованы сотни мемуарных текстов, как написанных в свое время не для печати, так и созданных после крушения советской власти. Записаны тысячи интервью с ветеранами войны. Война в воспоминаниях и рассказах ветеранов предстает – что нетрудно было предположить – весьма далекой от официального канона. В особенности это относится к «быту войны», повседневной жизни на фронте.

Конечно, к воспоминаниям, написанным 40, а то и 50 лет спустя после описываемых событий, как и к устной истории (интервью), надо относиться с большой осторожностью. Дело не только в слабости человеческой памяти. Пишут и рассказывают уже другие люди, совсем не такие, какими они были во время войны. Жизненный опыт, окружающая обстановка, прочитанные книги и увиденные фильмы, десятилетия пропаганды – все это не может не отразиться на содержании написанных или наговоренных текстов. Иногда ветераны, сами того не замечая, вставляют в свои рассказы какие-то сюжеты из просмотренных фильмов, иногда полемизируют с прочитанным или увиденным. Не вдаваясь в детали источниковедческого анализа, заметим, что использовать эти «новые мемуары» можно, но верить всему «на слово» не приходится.

Тем ценнее тексты, написанные некогда «в стол», не для печати. Дело не только в том, что мемуаристы были моложе, а временная дистанция от описываемых событий – короче. Писавшие для себя, для детей и внуков, в конце концов, для истории пытались противостоять унификации памяти о войне.

1. The study was implemented in the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics in 2011.

Воспоминания бывшего сержанта Николая Никулина были написаны в 1975 году; двигала им «энергия раздражения», по выражению Виктора Шкловского, раздражения в связи с юбилейными торжествами по случаю 30-летия победы и официальной ложью о войне, сочившейся с экранов телевизоров и газетных страниц. По словам Никулина, основными проблемами военной жизни были «смерть, жратва и секс»². Во всяком случае, они были основными темами солдатских разговоров. Эти проблемы, в особенности проблемы отношений мужчин и женщин во время войны, длительное время оставались табу в советской/российской историографии. Об этом не слишком принято было говорить, и в особенности – применительно к периоду Великой Отечественной войны. То, что чрезвычайно занимало солдат, не привлекало внимания историков. Секс как-то не слишком сочетался с такими категориями, как подвиг или самопожертвование. Или верность, что являлось ключевым словом и «предписанной» нормой поведения женщины (в меньшей степени – мужчины) во время войны. Между тем, как раз в этот период в сексуальном поведении советских людей произошли изменения, сопоставимые разве что с сексуальной революцией 1960-х годов на Западе. Эти изменения мы и попытаемся проанализировать.

Наша статья основана преимущественно на источниках личного происхождения – дневниках, воспоминаниях, письмах, интервью, отчасти на фольклоре военного времени. Некоторые солдаты и офицеры, несмотря на запреты, вели во фронтовых условиях дневники. Дневники, на наш взгляд, являются наиболее аутентичными источниками по истории «частной жизни» на войне³. Нами используются как опубликованные, так и неопубликованные дневники, выявленные нами в семейных и частных архивах.

Практически все современники, в той или иной степени затрагивавшие проблему отношений между полами, отмечали разительные изменения, происшедшие в поведении женщин.

Штурман Галина Докутович отдыхала ранней весной 1943 года после ранения в санатории в Ессентуках. Она занесла в дневник картину местных нравов:

А кругом что делается! Женщины совсем сходят с ума, на шею вешаются. Чуть утро – уже ходят под окнами. А вечером теряют всякий стыд, просто приходят к санаторию и приглашают мужчин в кино, в театр. Целой толпой ожидают у входа. Ребята, конечно, не теряются. (Запись от 11 марта 1943 г.)⁴

2. Н.Н. Никулин, *Воспоминания о войне*, СПб., 2008, с. 153.

3. О военных дневниках см. подробнее Oleg Budnitskii, «Jews at War: Diaries from the Front» in Harriet Murav, Gennady Estraikh, eds., *Soviet Jews and World War 2: Fighting, Witnessing, Remembering*, Boston: Academic Studies Press, 2012 (forthcoming).

4. Цит. по: Е.С. Сенявская, *1941-1945. Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование*, М., 1995, с. 183.

Лейтенанту Виталию Стекольникову бросалось в глаза, насколько многих девушек «испортила война», насколько многие из них стали «не такими» по сравнению с мирным временем. Правда, уточнял он, может быть, это касается только девушек прифронтовой полосы. Это навеяло ему сомнения в верности его возлюбленной, оставшейся в Рязани:

Ведь я знаю, что ты такая же молодая, – писал он 1 июля 1943 г. Анне Панфиловой, – как они, что ты также хочешь и наслаждаться, что ты тоже, как и они, чувствуешь, как проходят лучшие молодые годы, и что этих юношеских лет уже не вернешь. Вот почему я и думал плохо о тебе, когда видел, как молодые девушки бросаются на шею и отдаются первому встречному мужчине. Но я, конечно, старался так не думать о тебе и отмахивался от таких дум, как от назойливой мухи.⁵

Рядовой Василий Цымбал зафиксировал в дневнике сцены, которые он наблюдал в мае 1945 года. Его часть была отправлена весной 1945 года из Германии на Дальний Восток. Воинский эшелон шел через весь Советский Союз. 18 мая 1945 г. Цымбал записал:

Повсеместно на протяжении всей дороги я встречаю у всех страшную жажду совокупляться. Ну, солдаты, это известные кобели. Можно еще сделать некоторую скидку женщинам в расцвете сил, мужа которых на войне. Но этой жаждой еще в большей степени охвачены девушки. Совокупляются и за платя, и за чулки, и бесплатно. Совокупляются и на тормозных площадках, и на платформах, и на земле, и просто нагнувшись в каком-либо углу. Знакомства заводятся быстро, дела обделываются тоже стремительно.⁶

В цитированных выше текстах речь идет о городских женщинах, однако столь же заметные перемены произошли и в поведении сельских жительниц. Политработник Борис Тартаковский вспоминал, как в одной подмосковной деревне его сослуживец постучал в дверь хаты с просьбой дать воды, и был немедленно взят в оборот открывшей ему молодой женщиной, не ставшей тратить времени на разговоры. Другого сослуживца нагнала «группа молодых бабёнок, которые окружили его тесным кольцом, стремясь, как выразилась одна из них, “хоть понюхать мужицкого духа”». Политработник, напуганный тем, что дело одним «обнюхиванием» не ограничится, поспешил ретироваться, ссылаясь на свой якобы немолодой возраст⁷.

5. *Письма с фронта рязанцев-участников Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.*, Рязань, 1998, с. 327.

6. В. Цымбал, «Дневник 1942-1945 гг.» (Личный архив Е.В. Цымбала, Москва). Очевидно, что некоторыми женщинами, как это вытекает из текста Цымбала, двигало желание получить в обмен на секс какие-то вещи; в этих случаях следует скорее говорить о проституции, нежели «жажде совокупления».

7. Б.Г. Тартаковский, *Из дневников военных лет*, М., 2005, с. 87.

Сержант, пехотинец и поэт Николай Панченко написал в 1943 году явно «с натуры» стихотворение о страстных «колхозных бабах»:

Мы свалились под крайними хатами –
малолетки, с пушкой над губой,
нас колхозные бабы расхватывали
и кормили как на убой,

Отдирали рубахи потные,
терли спины – нехай блестит!
Искусали под утро, подлые,
усмехаясь: «Господь простит...»

А потом, подвывая, плакали,
провиантом снабжали впрок.
И начальнику в ноги падали,
чтобы нас как детей берет.⁸

Очевидно, что отношения мужчин и женщин во время войны коренным образом изменились. И не могли не измениться в условиях, когда около 34 миллионов мужчин были призваны в армию накануне и во время войны, и сложилась ситуация, когда женщины остались без мужчин, а мужчины – без женщин. Причем соотношение женщин и мужчин на фронте и в тылу было прямо противоположным: в тылу был дефицит мужчин, на фронте – женщин.

Некоторые современники пытались осмыслить происшедшие драматические перемены. Рядовой Давид Кауфман (будущий поэт Давид Самойлов) записал в дневнике 16 августа 1943 года:

О римском падении нравов могут говорить только интеллигенты из породы поганых, у которых грех в мыслях, или старые перечницы.
Просто бабья тоска по мужчине, тоска девушек, не знавших первого поцелуя. Трагедия невест.⁹

Речь шла о женщинах в тылу. Обратимся теперь к основному предмету нашей статьи – «фронтным девушкам» и отношениям с ними и к ним красноармейцев и командиров (ставших называться с 1943 г. офицерами).

В армию и военно-морской флот, согласно данным Министерства обороны, во время войны было призвано 490 235 женщин, причем женщины в возрасте 19-30 лет направлялись в войсковые части и учреждения, до 45 лет – в тыловые

8. В. Савельев и Л. Жуховицкий, сост., *Сороковые, роковые...: Поэзия в сражениях с фашизмом*, М., 1995., с. 199-200.

9. Д. Самойлов, *Поденные записи*, М., 2002, Т. 1, с. 172.

учреждения. Львиная доля женщин (около 430 тыс.) была призвана в армию в 1942-1943 гг. В 1944 г. число женщин, призванных в армию, снижается почти в четыре раза по сравнению с предыдущим годом. Это, несомненно, было вызвано освобождением оккупированной территории СССР и, соответственно, населения, там проживавшего. Таким образом, существенно увеличилась численность мужчин, подлежащих мобилизации. Тем не менее, это не привело к демобилизации женщин. На 1 января 1945 г. в Красной армии (без ВМФ) числились 463 503 женщины, причем 318 980 находились на фронтах. Среди них было 70 647 офицеров, 113 990 сержантов, 276 809 рядовых, еще 2 057 проходили обучение. Общая численность Красной армии на ту же дату составляла более 11 миллионов человек, еще свыше 915 тысяч находились на лечении в госпиталях. Больше всего женщин служило в войсках противовоздушной обороны (ПВО) – 177 065 человек, еще 70 548 человек служили в местных ПВО НКВД. Далее шли части связи – 41 886 чел., военно-санитарные части и учреждения – 41 224, части ВВС – 40 209 чел. Среди других массовых военных профессий были повара (28 500 чел.), водители и обслуживающий персонал в автомобильных частях (18 785 чел.)¹⁰.

Некоторое число женщин было принято в армию в качестве вольнонаемных. Точное их число нам неизвестно. Всего вольнонаемный состав (в который входили мужчины старших возрастов и ограниченно годные по состоянию здоровья, а также женщины) насчитывал на 1 января 1945 года 512 161 человека, причем из них 234 759 человек находились в частях действующих фронтов¹¹. Можно предположить, что среди них были десятки тысяч женщин, учитывая то обстоятельство, что мужчин, хоть в какой-то степени способных носить оружие, призывали в армию, а не определяли в вольнонаемные.

О женщинах в Красной армии существует довольно обширная литература. Посвящена она преимущественно воинским подвигам представительниц прекрасного пола¹². О женщинах – снайперах и летчицах – написано больше, чем обо всех других женщинах-военнослужащих. Между тем, снайперы и летчицы представляли героическую, но очень небольшую группу женщин-военнослужащих. Если почитать дневники, воспоминания и интервью ветеранов, то несложно убедиться, что они пишут или говорят о женщинах как военных специалистах в крайне редких случаях. В основном же

10. *Великая Отечественная без грифа секретности: Книга потерь*, М., 2009, с. 37-38, 39.

11. Там же, с. 38-39.

12. См. Ю.Н. Иванова, *Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах*, М., 2002; K. Jean Cottam, "Soviet Women in Combat in World War II: The Ground Forces and the Navy," *International Journal of Women's Studies*, 3, 4 (1980): 345-357; Idem, *Soviet Airwomen in Combat in World War II* (Manhattan, KS: Military Affairs/Aerospace Historian Publishing, 1983); D'Ann Campbell, "Women in Combat: The World War Two Experience in the United States, Great Britain, Germany, and the Soviet Union," *Journal of Military History*, 57 (April 1993): 301-323; Reina Pennington, *Wings, Women and War: Soviet Airwomen in World War II Combat*, foreword by John Erickson (Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2001); Anna Krylova, *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front* (Cambridge University Press, 2010).

представительницы «второго пола» интересовали военнотружущих *как женщины*, а не в каком-либо ином качестве.

Следует иметь в виду, что командование было не слишком озабочено сексуальными нуждами военнотружущих. Отпуска в Красной армии в период войны не практиковались, они предоставлялись, как правило, по ранению или в исключительных случаях за особые заслуги. Знакомство и какие-то отношения с гражданскими женщинами у бойцов и командиров Действующей армии могли быть, как правило, лишь мимоходом. Миллионы мужчин жаждали любви или хотя бы недолгой связи с женщиной. В дневниках военнотружущих – наиболее аутентичном, и в то же время наиболее редком источнике, эта тема, даже учитывая присущую российской/советской традиции некоторую стыдливость в обсуждении вопросов секса, в том числе «наедине с собой», проходит «красной нитью». От романтических мечтаний до записей эротических снов или опасений призванных прямо со школьной скамьи «девственников», что им так и не придется познать женщину. Потому что убьют раньше.

С поразительной силой эта жажда любви перед лицом смерти выражена в стихотворении 18-летнего Николая Панченко, датированном 1942-м годом:

Я не умру – нет смерти мне,
пока не полюблю.
Я губы красные во сне,
как бабочек, ловлю.
Пусть днем – атаки и броски,
над головой гроза.
Не пули –
острые соски
мне выстрелят в глаза.
И лишь тогда
рази, беда,
топи меня, вода!
Пусть сгинет свет.
Пусть сгинет след.
Пусть будет все – тогда...¹³

Перейдем, впрочем, от стихов к «суровой прозе».

Женщины-военнотружущие в армии подвергались «сексуальной эксплуатации». Их нередко принуждали к сожительству офицеры. Строптивых могли отправить на передовую с высокими шансами быть убитыми или искалеченными. Артиллерист Исаак Кобылянский вспоминал, что в своем полку знал единственную девушку, которая «принципиально отказалась от множества предложений, не поддавалась принуждению, не испугалась угроз». Это была медсестра, совсем юная ростовчанка Оля Мартынова. В результате ее направили в стрелковый батальон медсестрой санитарного взвода. Через

13. <http://www.stihi.ru/2004/05/02-381> (последнее посещение 16 апреля 2011 г.).

полгода она была убита наповал осколком¹⁴. Бывали и менее трагические, хотя и неприятные, последствия неуступчивости. Санинструктор Татьяна Казнова перевыполнила все нормы по выносу раненых с поля боя, положенные для награждения орденом, «но никакого ордена не получила, потому что не наградила непосредственного начальника своим вниманием»¹⁵. Встречались такие неуступчивые и принципиальные редко и, как правило, такие случаи специально отмечаются в воспоминаниях ветеранов. Виктор Залгаллер вспоминал о телефонистке Алевтине Барановой, которая «с поразительным упорством отстаивала достоинство всех женщин»¹⁶. Сержант Борис Комский после знакомства с военным цензором Катей Федоровой, убедился, что есть «чистые души, но обстановка, окружающие, абсолютно все стараются загрязнить их, и на общем фоне они не видны». «Я снова верю в чистоту девушки, - записал Комский в дневнике, - Хотя знаю, что таких, как Катя, не больше одной на тысячу»¹⁷.

Вообще же идеализм девушек, пошедших добровольцами на фронт, рассеивался довольно быстро. Как писал в своих очень жестких воспоминаниях Никулин, в штабе армии, в которой он служил, «лишали иллюзий комсомолок, добровольно пришедших на фронт “для борьбы с фашистскими извергами”, пили коньяк, вкусно ели...»¹⁸

Лейтенант Виталий Стекольников, узнав, что его девушка ушла в армию, писал ее отцу 25 августа 1943 года:

что заставило Аню сделать этот шаг, мне пока остается неизвестным, но если это было сделано ею добровольно, то не знаю как ваше мнение, а я был против этого и останусь при таком мнении. Я уже посмотрелся, нагляделся и убедился. Есть и у нас такие же, как она, и я ни одной не желал бы очутиться на их месте.¹⁹

«Технически» формирование своеобразных гаремов при различного уровня штабах выглядело нередко следующим образом:

Существовал негласный порядок, по которому обо всех прибывших в полк женщинах строевая часть сначала докладывала командиру полка, его заместителю и начальнику штаба. По результатам доклада, «смотрины», а иногда и короткого собеседования определялось, куда (это нередко

14. И.Г. Кобылянский, *Прямой наводкой по врагу*, М., 2005, с. 233-234.

15. И. Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942-1945)*, М., 2010, с. 258.

16. В. Залгаллер, «Быт войны», *Вестник* (Балтимор), №11, 270, (22 мая 2001). <http://www.vestnik.com/issues/2001/0522/win/zalgaller.htm> (последнее посещение 16 апреля 2011 г.).

17. Б.Г. Комский, «Дневник 1943-1945 гг.», публ. О.В. Будницкого, *Архив еврейской истории*, М., 2011, т. 6., с. 46 (запись от 22 февраля 1944 г.).

18. Никулин, *Воспоминания о войне*, с. 55.

19. *Письма с фронта рязанцев-участников Великой Отечественной войны*, с. 332-333.

означало, к кому в постель) направят служить новую однополчанку. Если высокий начальник был в данный момент «холостяком» и предвидел, что сумеет сделать ее своей ППЖ, то он приказывал будущему номинальному командиру новопривывшей: «Зачисли в свой штат и отправь в мое распоряжение»²⁰.

В годы войны сложился «институт» походно-полевых жен (ППЖ), иногда их называли «трофейными женами». Пример нижестоящим офицерам подавали старшие начальники, начиная с маршала Г.К. Жукова, чьей ППЖ была приставленная к нему военфельдшер Л.В. Захарова. Впоследствии, уже после войны, когда он впал в немилость у Сталина, Жукову пришлось писать унижительную объяснительную записку, в которой он утверждал, что не занимался любовью в служебном кабинете. А награждения Захаровой орденами и медалями и присвоение не положенного ей звания лейтенанта объяснял инициативой командования фронтов, которые он «обслуживал»²¹. Другие прославленные маршалы – И.С. Конев и А.И. Еременко – в итоге женились на своих фронтовых подругах, причем Еременко был старше приставленного к нему военфельдшера Нины Гриб на 30 лет.

Политработники, призванные поддерживать боевой дух и моральные устои в армии, не отставали от строевых командиров. Так, лектор Главного политического управления Красной армии Синянский (лекторы, также как корреспонденты партийных газет, фактически выполняли роль осведомителей ЦК и Главпура) после поездки на Северо-Кавказский фронт написал докладную своему начальству о творящихся там безобразиях. Он предлагал заменить начальника Политуправления фронта Емельянова и его заместителя Брежнего (так!), поскольку они подвержены, среди прочего, «чрезмерному увлечению половым вопросом»²². Речь шла о будущем генеральном секретаре ЦК КПСС Л.И. Брежнев. Возможно, этот донос сыграл определенную роль в том, что в октябре 1942 г. при ликвидации института военных комиссаров бригадный комиссар Брежнев вместо ожидаемого генеральского звания был аттестован полковником.

В армии даже ходили слухи, что женщин направляли на военную службу специально, с целью удовлетворять сексуальные потребности мужчин. В жалобе одного из командиров на засилье сотрудников НКВД в армии, отправленной на имя Сталина 3 мая 1943 г., говорилось: «От командира отняли женщин. А каждый контрразведчик имеет одну или две»²³. Жалобщик был уверен, что командир имеет *право* на женщину.

20. Кобылянский, *Прямой наводкой по врагу*, с. 234.

21. Б.В. Соколов, *Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи*, Минск, 2000, с. 471-474.

22. ЦАМО, (Центральный архив Министерства обороны), ф. 32, оп. 11302, д. 62, л. 545-546 (цитируется по копии, находящейся в фонде Д.А. Волкогонова в Library of Congress, Manuscript Division, Dmitry Volkogonov Collection, Box 10).

23. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, сост., *Советская повседневность и массовое сознание: 1939-1945*, М.: РОССПЭН, 2003, с. 110.

В армии оказались женщины из очень разных слоев общества, разного уровня образования и по разным мотивам. Студентка филологического факультета Ленинградского университета военная переводчица Ирина Дунаевская читала на ночь Шатобриана и досадовала, что его не найдешь на фронте в оригинале. Будучи в увольнительной в Ленинграде (она служила на Ленинградском фронте) обрадовалась тому, что купила на Невском Маяковского и Ницше (!). Десятки тысяч женщин-военнослужащих никогда не держали в руках книгу, за исключением разве что букваря. Достижения «культурной революции» сильно преувеличивались советской пропагандой, что для той же Дунаевской было настоящим открытием. Познакомившись с данными об образовании рядового состава, она обнаружила, что мобилизованные из небольших городков или сельской местности в подавляющем большинстве окончили три или четыре класса, нередко всего лишь два. Окончившие семь классов встречались в списках рядового состава «в виде особого исключения»²⁴. Заметим, что четверть (25%) бойцов Красной армии в 1940 г. имели образование ниже 6 классов²⁵. А ведь это были молодые, выросшие при советской власти в период «культурной революции» люди. В дальнейшем, при массовой мобилизации, образовательный уровень военнослужащих неизбежно снижался. Трудно предположить, что уровень образования женщин-военнослужащих отличался в среднем от уровня образования мужчин.

В армию шли и добровольно, и в результате «условного» помилования, согласно которому отбывание заключения можно было заменить службой в армии. Шли из патриотических побуждений и для того, чтобы избавиться от жизни впроголодь или устроить свою жизнь: сделать это в тылу, где резко сократилось количество мужчин, было очень сложно. Некоторые, преимущественно деревенские, девушки, попавшие в армию по мобилизации, стремились поскорее забеременеть и вернуться домой живыми, тем более что женихов на селе не предвиделось²⁶.

Отношения мужчин и женщин упростились, по выражению медсестры Эстер Маньковой (Файн), «до минимума». Бойцы подходили к «этому вопросу», по словам Файн, еще проще, чем офицеры, без обиняков задавая вопрос встретившейся девушке: «Дашь или не дашь?» В случае отказа миролюбиво посылали «к такой-то матери» и шли спать²⁷. Доступ к женскому телу стал «валютой» времен войны. Сержант Николай Иноземцев записал 18 февраля 1944 г. характерный диалог: девушка-регулирующая, у которой украли (девушка употребила совершенно непечатный синоним) шинель, пообещала сослуживцам: «Кто найдет – получит поллитра и 8 раз»²⁸.

24. Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 76, 144, 36-37.

25. О.В. Будницкий, «Красная армия, или о коммунистах и генштабистах», *Красная армия: 1918-1946*, М., 2007, с. 23.

26. Кобылянский, *Прямой наводкой по врагу*, с. 232; Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 58-59.

27. Э. Файн, *По дорогам, не нами выбранным*, Лондон, 1990, с. 155-156.

28. Н.Н. Иноземцев, *Фронтовой дневник*, 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005, с. 155.

Женщины были не только пассивными жертвами страстей, бушевавших вышестоящих начальников. Служба в армии давала многим из них, в особенности «из низов», шанс устроить свою жизнь. Лейтенант Борис Назаров на танцах в штабе попробовал ухаживать за девушкой, но наткнулся на жесткий ответ: «Слушай, у меня от *больших звезд* отбоя нет, а ты с маленькими лезешь»²⁹. «Женщины в армии соревнуются по части военных званий своихдыхателей», – замечает Ирина Дунаевская³⁰. А многие из них, как заметил младший лейтенант Владимир Кагарлицкий, гордились статусом ППЖ. «...я спросил у двух военных девушек – вы, говорю, из какой части? А, говорят, ППЖ. Ничего себе?», – с возмущением записал Кагарлицкий 2 октября 1943 г. в дневнике³¹.

Война давала шанс не только любителям, но и любительницам любовных утех. Одна из не слишком разборчивых сослуживиц Дунаевской рассуждала об «особой прелести эпизодов случайной военной любви»³². Находившаяся на другом полюсе социальной лестницы санитарка Варька, служившая в одной роте с Эстер Файн, выражалась проще, чем любвеобильная образованная дама. Варька «всегда находилась не в санроте, а в землянке кого-нибудь из командиров. Но и бойцами не брезговала». Когда комиссар полка пытался призвать ее к порядку, посоветовав в конце концов позвать своего парня к себе, а не шляться по чужим землянкам, то нарвался на беззастенчивую реплику: «Если я всех своих парней стану приглашать, очередь будет стоять от санроты до КП (командного пункта)»³³.

Военнослужащие-мужчины были убеждены в тотальной развращенности «фронтовых девушек». «Неужели на фронте нет ни одной честной девушки?» – задавал сам себе вопрос сержант Борис Комский³⁴. По воспоминаниям Юлии Жуковой, майор, встретивший прибывшую на фронт команду девушек-снайперов, первым делом спросил: «Ну, зачем вы приехали, воевать или...» Вопрос за него завершила одна из девушек: «б[лядо]вать?»³⁵. Связист Виктор Залгаллер вспоминал о первой встрече с фронтовой девушкой-телефонисткой: «Она хохотала в трубку и говорила кому-то: “Иди, иди. У меня уже кобыла хвост подняла”». «Раньше я был в части, где не было девушек, и к циничным шуткам не привык», – заключил бывший ленинградский студент³⁶.

29. <http://www.iremember.ru/artilleristi/nazarov-boris-vasilevich.html> (последнее посещение 16 апреля 2011 г.)

30. Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 226.

31. *Сохрани мои письма... : Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны*, Вып. 2. М., 2010, с. 44.

32. Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 149.

33. Файн, *По дорогам, не нами выбранным*, с. 73-74.

34. Б.Г. Комский, *Дневник 1943-1945 гг.*, с. 46 (запись от 22 февраля 1944 г.).

35. Ю.К. Жукова, *Девушка со снайперской винтовкой. Воспоминания выпускницы Центральной женской школы снайперской подготовки. 1944-1945 гг.*, М., 2006, с. 116.

36. Залгаллер, «Быт войны».

Борис Комский, познакомившись с приглянувшейся ему военной девушкой, записал в дневнике: «не могу себе представить, что это чистое лучезарное личико принадлежит такой же бляди». Эта девушка, военный цензор младший лейтенант Римма Окольникова, с которой у него завязался бурный роман, казалась ему совсем другой, но все остальные... Комский познакомился с Риммой в феврале 1944 г. Несмотря на то, что они служили в разных частях, влюбленные умудрялись встречаться. В январе 1945 г. Комский получил открытку, в которой Римма писала: «Настроение жуткое. Хочется выругаться матом и закурить. Вообще, я скоро... Я скоро... Прости все, но война... Я не хочу больше ничего понимать...». «А я НЕ МОГУ (выделено в тексте – О.Б.) ничего понять, – записал Комский. – Что это значит? Что она скоро – станет такой, как и большинство военных девушек? Зачем же она мне тогда?»³⁷. Роман закончился довольно печально. Когда Комский отыскал свою возлюбленную через несколько недель после окончания войны, она оказалась беременной от одного из своих начальников и как будто успела выйти за него замуж³⁸.

Василий Цымбал возмущался поведением девушек, которых было «достаточно много» в его части. «По словам доктора, только одна из них сохранила свою девственность. Остальные ведут себя достаточно распутно. Так, мне приходилось слышать, когда одна из них говорила одному командиру, который ей годится в отцы, что она болеет без мужчины» (запись от 22 августа 1943 г.)³⁹. «Много мороки с нашими девушками. Ведут они себя не совсем хорошо, поэтому и отношение солдат к ним неважное», – записывает 14 ноября 1944 г. сержант Василий Ермоленко⁴⁰.

Женщины отвечали мужчинам взаимностью. «Даже большие умные командиры – подлецы и развратники!», – записала 31 мая 1943 г. Галина Докутович⁴¹. Ирину Дунаевскую, которой постоянно домогались штабные офицеры, раздражал «окружающий разврат». Впрочем, ее раздражало поведение не только мужчин, но и женщин.

Как и другого ленинградского студента, Виктора Залгаллера, Дунаевскую неприятно поразила грубость и низкий культурный уровень служивших с ней девушек. Для них, принадлежавших к интеллектуальной элите советского общества (жители Ленинграда, студенты лучших вузов «второй столицы»), служба в армии стала своеобразным «хождением в народ». Который оказался совсем не таким, как их прежнее окружение:

«Переселилась в “гарем” – общежитие для женского штабного персонала, – записывает Дунаевская 20 сентября 1942 г.: связистки, санинструкторы,

37. Б.Г. Комский, *Дневник 1943-1945 гг.*, с. 44, 65 (записи от 14 февраля 1944 и 7 января 1945 г.).

38. Б.Г. Комский, *Дневник, июль-сентябрь 1945 гг.*, запись от 10 августа 1945 - Blavatnik Archive Foundation, New York.

39. Цымбал, «Дневник 1942-1945 гг.».

40. В. Ермоленко, *Военный дневник старшего сержанта*, Белгород, 2000., с. 86.

41. Цит. по: Сенявская, *1941-1945. Фронтовое поколение*, с. 184.

машинистки. Думала, в “женском коллективе” будет спокойней и приятней. Не тут-то было! Лексикон, как у Элочки-людоедки, к тому же пересыпаемый многоэтажным матом. А я-то воображала, что это прерогатива мужчин»⁴².

Наряду с сугубо прагматическим подходом к отношениям с представителями другого пола в армии, разумеется, было немало и отношений вполне романтических.

Люди понимали, что с традиционными нормами морали что-то произошло. Замполит тылового госпиталя капитан Михаил Цымбал писал брату Василию:

Мне кажется, что ты и сам хорошо понимаешь, насколько война портит нравы людей. Время войны из личных интимных отношений вообще должно быть выброшено. Будем строить дом любви после войны, забыв и простив друг другу все. Теперь люди живут днем, часом да решают на поле брани судьбу родины. Кто останется в живых, тот должен будет начинать все заново. (14 сентября 1943 г.)⁴³

Культовым текстом во время войны стало стихотворение Константина Симонова «Жди меня», гимн любви и верности. Ему же принадлежит и стихотворение-перевертыш – «На час запомнив имена» (1941). В нем славится женщина, «легко» и «торопливо» заменившая солдату, которому «до любви дожить едва ли», далекую возлюбленную и согревшая его «теплом неласкового тела»⁴⁴. Практически ко всем популярным песням военного времени о любви и верности («Темная ночь», музыка Н. Богословского, слова В. Агатова, 1943) неизвестные стихотворцы из народа сочиняли альтернативные варианты (иногда в двух версиях – мужской и женской). Эти песни-перевертыши пользовались немалой популярностью, и записи их текстов нередко встречаются в солдатских дневниках и воспоминаниях.

Приведем фрагмент альтернативной песни к знаменитой «Темной ночи»⁴⁵:

Темная ночь. Всех испортила женщин война.
И теперь уж иные слова в этой песне поются.
Муж далеко. Он не видит. Не будет он знать.
И нельзя от жизни не брать, что возможно.
Танцы. Вино. Маскировкой закрыто окно.
И в квартире военных полно, от сержанта и выше.
Ты меня ждешь, а сама с лейтенантом живешь
И от детской кроватки тайком ты в кино удираешь.

42. Дунаевская. *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 55. Элочка-людоедка – персонаж роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Ее лексикон ограничивался 30 словами.

43. Цымбал, «Дневник 1942-1945 гг.».

44. См. <http://www.stihi-rus.ru/1/simonov/20.htm> (последнее посещение 17 апреля 2011 г.).

45. «Темную ночь» впервые исполнил Марк Бернес в кинофильме «Два бойца» (1943).

Вот сейчас я в землянке холодной сижу.
А тебя приглашает майор в вихре вальса кружиться⁴⁶.

Альтернативный текст (точнее, тексты, мужской вариант и женский ответ на него) появился и на популярную песню «Моя любимая» (слова Е. Долматовского, 1941, музыка М. Блантера, 1942). Варианты исполнялись на ту же мелодию. Мужской:

Ты пишешь письма часто мне, что я забыл тебя.
Но ты пойми, на фронте я, моя любимая!
Как много их, не перечешь, ждут писем от меня.
И в Омске есть, и в Туле есть моя любимая.
Еще ты пишешь: «Есть уж дочь. Похожа на меня.
Ну что ж, расти. И я не прочь, моя любимая.
“А где отец малютки той”, - кто спросит у тебя. –
Скажи, погиб на фронте он, моя любимая».
Хотя тобой всегда горжусь, но ждет меня семья.
К тебе я больше не вернусь, моя любимая.⁴⁷

Из женского ответа⁴⁸:

Ты пишешь, что не перечешь
Всех женщин у тебя.
И у меня однако есть
Мужей десятка два.
...
Ты прав: всему виной война,
Но я и не сержусь.
И если ты меня забыл,
Ничуть не огорчусь.

Таких, как ты, - не перечешь –
Таков закон войны.
И в Омске есть, и в Туле есть
Такой подлец, как ты!

В дневнике Василия Цымбала записан другой вариант ответа:

Письмо твое, любимый мой, получено вчера.
Пишу сегодня я ответ, чтоб ты забыл меня.
Я без тебя не пропаду, другого полюблю.

46. Цымбал, «Дневник 1942-1945 гг.», запись от 1 сентября 1944 г.

47. Там же.

48. Сиреневый туман: Песенник/Сост. А. Денисенко, Новосибирск, 2001 - Цит. по: <http://www.a-pesni.golosa.info/ww2/folk/otvetnapismo.htm> (последнее посещение 16 апреля 2011 г.).

Получше друга я найду и дочку прокормлю.
 Хоть дочь похожа на тебя, тебе ее не знать.
 Есть мать родная у нее и может воспитать.
 А если спросят у меня: «Кто дочери отец?»
 То я скажу: «На фронте есть один такой подлец».
 За правду ты меня прости. Всему виной война.
 Не будь ее, тогда бы я не встретила тебя.
 Но знаю, много вас таких. Но я умнее всех.
 Теперь меня не проведешь. Потерян ваш успех⁴⁹.

В цитированном выше стихотворении Симонова, признанного партийным руководством вредным, точно подмечена моральная дилемма времен войны: что нравственно: хранить верность любимому или согреть «теплом неласкового тела» человека, для которого эта близость с женщиной, возможно, станет последней в его жизни? Что вообще в отношениях между мужчиной и женщиной морально или аморально перед лицом смерти?

Дневник Ирины Дунаевской дает интересный материал для размышлений на эту тему. Дунаевская вышла замуж за три с половиной месяца до начала войны. 18 июня 1941 г. ее муж Владимир Грацианский защитил кандидатскую диссертацию (большая редкость в то время!) по биологии. В июле 1941 г. вступил добровольцем в народное ополчение. 16 сентября того же года был убит.

Дунаевская хранит память и верность любимому, постоянно отбиваясь от домогательств сослуживцев. Любопытно ее практическое наблюдение: «для спокойствия души женщине во фронтовых условиях следует жить в подразделении, командир которого не имеет своего отдельного помещения»⁵⁰.

Интеллектуалка и недотрога Дунаевская чувствует себя одиноко среди сослуживцев. «Я не могу жить по широко исповедываемому на фронте принципу “война все спишет”. Я следовала, следую и буду следовать велениям собственной совести, принципам нравственности, не зависящим от того, сколько мне суждено прожить – час, день или долгие годы» (7 ноября 1942 г.)⁵¹. Единственным другом становится Израиль Дворкин, старший коллега – переводчик и пропагандист. Однако он хочет чего-то большего, чем дружба. Твердокаменная Дунаевская записывает:

Дворкин давно твердит, что любит меня. Что ж поделать! Я-то его – нет. Он – славный, я испытываю к нему настоящее дружеское расположение, благодарность за то, что служит мне здесь опорой. А люблю по-прежнему Володю и ни с кем другим физической близости не хочу: нет любви – нет и желания! Соглашаться на мимолетные связи – только душу травить. (18 ноября 1942 г.)⁵²

49. Цымбал, «Дневник 1942-1945 гг.».

50. Дунаевская, *От Ленинграда до Кёнигсберга*, с. 26.

51. Там же, с. 82.

52. Там же, с. 91.

Наконец, у нее возникает симпатия, как будто отличающаяся от просто дружеской, к Самуилу (Миле) Харитону, тоже переводчику и пропагандисту, в мирной жизни – учителю математики. Однако она сдерживает себя:

Миля очень мил. Но я не выйду замуж до конца войны: обстановка шумная и неудобная, можно снова потерять мужа. А замуж выходить можно раз, можно два, но не до бесчувствия – ведь есть мораль и брезгливость. Ребенок сейчас – нелепость, а аборт, в особенности до первых родов, – гадость. (27 августа 1943 г.)⁵³

Два месяца спустя Миля был тяжело ранен, ему ампутировали обе ноги. Дунаевская, узнав об этом, поспешила в госпиталь. Харитон был без сознания. «При виде такого страдания колебаться не приходится, - записывает Дунаевская в тот же день, - и я прошу сестру сказать ему, когда он очнется, что приходила ЖЕНА (выделено в тексте – О.Б.). Оставляю папиросы и письмо, в котором сказано то же самое, что я попросила передать на словах» (21 октября 1943 г.)⁵⁴. Ни выкурить папиросу, ни узнать, что у него появилась жена, Самуилу Харитону не пришлось: он умер в тот же день, не приходя в сознание.

Дунаевская вспомнила о друге, который может понять и посочувствовать – Израиле Дворкине. И случайно узнала, что его уже месяц как нет в живых. Ему оторвало ногу нераззорвавшимся снарядом, и он умер от болевого шока. «Теперь я совсем одна», – констатирует Дунаевская (13 ноября 1943 г.)⁵⁵.

20 мая 1944 года она записывает:

Уже третий год я на фронте. Я ни морально, ни физически не в силах больше переносить одиночество – я ведь человек и женщина! На войне же все так краткосрочно, что ни о какой обоснованной, серьезной, глубокой близости не может быть и речи, так как уже завтра может не стать человека, который так или иначе дорог сегодня. Это я уже испытала. Не размениваться же на мелочи. Но и так тоже невыносимо. Неужто я не выдержу! Неужто я не доживу до своей мечты и, не выдержав, разменяю себя на полумысли, получувства, полустрасти» (20 мая 1944 г.)⁵⁶.

А дальше... у Дунаевской стремительно развивается роман со старшим лейтенантом Алексеем Пресняковым, совершенно не похожим на тех мужчин, которые были ей раньше симпатичны. Он на три года ее моложе (ему – 22, ей – 25), родом из Саратова, студент Автодорожного института. 20 августа они впервые разговорились, 24-го Пресняков делает ей предложение

53. Там же, с. 234.

54. Там же, с. 253.

55. Там же, с. 260-261.

56. Там же, с. 311.

«по всей мирной форме», 26-го Дунаевская «решается», 11 сентября они регистрируют свой брак в г. Мадона, где уже существует гражданская администрация. Причем этот брак был первым, зарегистрированным в городе после освобождения, и никто из свежееиспеченных администраторов не знал, как это делается. Дунаевская, как наиболее опытная и уже побывавшая замужем, продиктовала по памяти текст брачного свидетельства, и оно, за номером первым, было выдано молодоженам⁵⁷.

Через две недели Дунаевская фиксирует происшедший с ней «внутренний ПЕРЕЛЮМ (выделено в тексте – О.Б.) – надоело воевать» (27 сентября 1944 г.). И, подобно многим другим «фронтным девушкам», обращается к самому доступному и законному способу отправиться в тыл – пытается забеременеть. Наконец, после нескольких разочарований, 8 декабря 1944 года в дневнике появляется торжествующая запись: «Месячных нет. Ура! Я, кажется, беременна». В ней, наконец, пробуждается сексуальность: в конце июня 1945 г., уже после окончания войны, будучи на изрядном сроке беременности, Дунаевская, встретившись после долгой разлуки со своим Алешей, легкомысленно пропускает мимо ушей предупреждения тетки – врача-микрopedиатра «быть ночью поосторожнее»⁵⁸.

Дунаевская не могла не отрефлексировать (задним числом, приписка к записи от 11 марта 1945 года сделана уже после окончания войны) происшедшие драматические изменения в ее личной жизни, также как свое отношение к этим изменениям:

Конечно, любовь к Володе остается чем-то отдельным, не поддающимся описанию и неповторимым. Здесь – другое, более приземленное, более простое, более наивное, но и более телесное и властное: может быть, потому что я физически созрела, а некоторые интеллектуальные критерии, если честно себе признаться, за три года фронта притупились.⁵⁹

Через два года Дунаевская и Пресняков разошлись – уж слишком они были разными⁶⁰.

Возвращение «фронтных девушек» домой после окончания войны оказалось вовсе не триумфальным. Немногие нашли в армии суженых, большинство вернулось с чувством выполненного долга и бременем – отнюдь не славы, а репутации «испорченных» женщин. Злые языки (эта острота родилась в армии, потом перешла на «гражданку») называли медаль «За боевые заслуги», которой нередко награждались женщины-военнослужащие,

57. Там же, с. 333-338.

58. Там же, с. 341, 356, 404.

59. Там же, с. 382.

60. Там же, с. 407.

медалью «За половые услуги». Многие женщины предпочитали скрывать свое военное прошлое или не слишком его афишировать.

Телефонистка штаба Валя Меньшикова, после войны ставшая студенткой филологического факультета, встретив Виктора Залгаллера, когда-то пытавшегося за ней ухаживать, но вынужденного уступить старшим офицерам, просила его никому не рассказывать, что она служила в армии: «Я и медали спрятала»⁶¹. Военврача Веру Малахову, вскоре после окончания войны вернувшуюся в родной Томск, муж убедил надеть награды (в том числе ордена Красной звезды и Отечественной войны) на Первомайский парад, хотя она возражала и оказалась права: какой-то прохожий, когда муж немного отстал, отпустил реплику: «А, фронтовая б[лядь]»⁶².

Нетрудно заметить, что негативное в целом отношение к «фронтовым девушкам» объяснялось в значительной степени тем, что равенство мужчин и женщин было в СССР декларировано, но психологически не принято ни мужчинами, ни, по-видимому, большей частью женщин. То, что считалось позволительным для мужчин, считалось предосудительным для женщин, касалось ли это отношений с сексуальными партнерами или, скажем, языка. Вся армия, сверху донизу, по точному наблюдению Григория Померанца, не только говорила но и думала по-матерному⁶³. Однако же если женщины, применяясь к окружающей среде, или в силу своего прошлого опыта и привычек употребляли ненормативную лексику, это непременно замечалось и осуждалось.

В литературе обращалось внимание на сходство разительных перемен в отношениях между мужчинами и женщинами времен войны с последовавшей в 1960-е годы сексуальной революцией⁶⁴. Речь шла о событиях в странах Запада. На наш взгляд, процессы, происходившие в СССР, были во многом сходны. Советские люди не только сражались. Они жили, любили, были обуреваемы страстями и желаниями.

Однако, по нашему мнению, сходство изменений, происшедших в «общепринятой» морали, в отношениях между мужчинами и женщинами во время Второй мировой войны, с аналогичными изменениями периода сексуальной революции, носит внешний характер. Они были вызваны разными причинами, в первом случае катастрофой, приведшим к разрушению традиционного уклада жизни и принятых норм поведения, в том числе в отношениях между мужчинами и женщинами. В послевоенное время наступил период «нормализации» и, если оперировать терминологией революционной эпохи, «контрреволюции». Государство приняло ряд законов, направленных

61. Залгаллер, «Быт войны».

62. Barbara Alpern Engel and Anastasia Posadskaya-Vanderbeck, eds., *A Revolution of Their Own: Voices of Women in Soviet History*, Boulder, CO: Westview Press, 1998, 215.

63. Г. Померанц, *Записки гадкого утенка*, М., 2003, с. 171.

64. John Costello, *Love, Sex, and War: Changing Values, 1939-1945*, London: Pan Books, 1985.

на укрепление семьи, затрудняющих разводы и т.п. Собственно, политика нормализации и «дисциплинирования» начала проводиться в жизнь еще с 1944 года, когда стало ясно, что исход войны решен. Партия приняла на себя функции, в числе прочего, и гаранта нравственности общества⁶⁵. Наступила и общественная реакция, «жертвами» которой до некоторой степени стали и «фронтовые девушки».

Перелом в отношении к женщинам, вынесшим тяготы военной службы, начался, по нашим оценкам, со второй половины 1960-х годов, когда победа в Великой Отечественной войне была де факто объявлена событием, легитимизирующим советскую власть, советскую историю. Я говорю об отношении не к культовым фигурам, вроде снайпера Людмилы Павличенко, партизанки Зои Космодемьянской или летчицы Полины Гельман, а обо всех женщинах-военнослужащих, выполнявших в годы войны скромные роли медсестер, телефонисток или шоферов. Важную роль сыграл, на мой взгляд, культовый советский фильм о войне «Белорусский вокзал» (1970, режиссер Андрей Смирнов, автор сценария Вадим Трунин), в котором как будто впервые в качестве положительного персонажа показана возлюбленная военного времени некоего офицера, впоследствии гвардии полковника. На его похоронах встречаются ветераны – главные герои фильма. Ведь эта возлюбленная, на языке военного времени, ни кто иная, как пресловутая ППЖ. Она была во время войны медсестрой; медсестрой, к удивлению ее бывших сослуживцев, и осталась. Сама героиня, поправляя своих товарищей, подчеркивает: сестрой милосердия. Замуж она не вышла, одна вырастила дочь, так никому и не сказав, кто был ее отец. Отцом был скончавшийся и, по-видимому, так и не узнавший о существовании дочери офицер, с похорон которого начинается фильм. Довольно типичная судьба «военной девушки». Впрочем, судьбы очень многих женщин военного поколения, служили ли они в армии или оставались в тылу, учитывая колоссальные демографические диспропорции, вызванные войной, складывались не слишком счастливо⁶⁶.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва

obudnitskiy@hse.ru

65. Ш.Фицпатрик [Sh. Fitzpatrick], «Истории жен» in Ш. Фицпатрик, *Срывайте маски!* М., 2011, с. 275-298.

66. См. *Население России в XX веке: Исторические очерки*, Т. 2, 1940-1959. М., 2001, с. 218-274, 350-352; Mie Nakachie, "Gender, Marriage, and Reproduction in the Postwar Soviet Union," in Golfo Alexopoulos, Julie Hessler, and Kiril Tomoff, eds., *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*, New York: Palgrave Macmillan, 2011, p. 101-116.